

«ЛЮБОВНИК ЛЕДИ ЧАТТЕРЛИ» — РОМАН И ЕГО ТВОРЕЦ

ИГОРЬ КОН:
С ТОЧКИ
ЗРЕНИЯ
СЕКСОЛОГИИ

«Иностранная литература» опубликовала набоковскую «Лолиту», «Улисса» Джеймса Джойса, «Тропик Рака» Генри Миллера и, наконец, «Любовник леди Чаттерли» Дэвида Герберта Лоуренса¹.

Эти произведения, как и их авторы, весьма различны, но роднит их то, что они освещают ранее запретные вопросы. Появление каждого в свое время сопровождалось скандалом, и все они внесли существенный вклад в понимание и художественное освоение человеческой сексуальности. Чем же интересен с этой точки зрения «Любовник леди Чаттерли»?

Книга очень долго считалась непристойной. Ее первое издание вышло, как известно, с большими цензурными купюрами, а тираж другого романа Лоуренса — «Радуга» — был полностью уничтожен по предписанию цензуры. Даже после того как «Любовник леди Чаттерли» был издан в США, английская цензура препятствовала его распространению вплоть до 1960 года, когда запрет пришлось снять по решению суда присяжных.

Что же смущало английских цензоров? В сущности, только одно — подробное и открытое описание телесной, физической стороны сексуальных отношений. Во французской литературе такие вещи делались давно и воспринимались спокойно, но в чопорной викторианской Англии они казались невозможными и практиковались, кстати сказать, очень широко, только в подпольных порно-

графических сочинениях, — благовоспитанные люди смаковали их наедине, никому не признаваясь в столь постыдных и низменных вкусах. Именно с таким пуританским, а по сути дела — ханжеским отношением к сексу и борется Лоуренс.

Объясняя философию своей книги, он писал: «Я всегда тружусь над одним и тем же, стараясь сделать сексуальные отношения из постыдных — достойными и прекрасными. В этом романе я продвинулся по этому пути дальше всего. Для меня это так же красиво, нежно и хрупко, как обнаженное Я».

Отвергая викторианское противопоставление души и тела, принижение телесности и чувственности, Лоуренс убеждает нас в том, что телесная сторона любви не менее прекрасна, возвышенна и естественна, чем духовная. Человек, который стыдится эротических переживаний и подавляет их, неизбежно будет несчастен сам и принесет несчастье другим. И искусство имеет полное право описывать не только психологию, но и физиологию любви.

Разумеется, после Фрейда, труды которого Лоуренс внимательно читал, это уже не было теоретическим откровением. Но одно дело — теория, другое — художественная практика. Художественная литература XIX века избегала описывать физиологическую сторону любви, считая ее низким и опасным сюжетом. В самом деле, это очень трудно. Не могу вспомнить, кто именно, но какой-то очень известный писатель или критик писал, насколько литератору труднее художника: когда живописец изображает обнаженное тело, этому никто не удивляется, а попробуй я написать «она была голая» и перейти затем к подробностям, — что тут начнется?

Лингвисты подсчитали, что в основных европейских языках имеется приблизительно по шестисот слов для обозначения мужских и женских гениталий и свыше тысячи — для описания полового акта. Но по большей части эти слова считаются запретными или неприличными. Вербальные табу — не только культурологическая и эстетическая, но и психологическая, сексологическая проблема. Если слова, в которых человек описывает свои интимные от-

¹ Романы опубликованы соответственно: в «Библиотеке «Иностранной литературы», 1989; «ИЛ», 1989, № 1—12; «ИЛ», 1990, № 7—8; «ИЛ», 1990, № 9—11.

ношения, кажутся ему самому грязными, такая установка неизбежно переносится и на сами эти отношения, опошляя и грязня их. Ибо, как мудро заметил апостол Павел: «...нет ничего в себе самом нечистого; только почитающему что-либо нечистым, тому нечисто» (Послание к Римлянам, 14, 14).

Научная или научно-популярная литература разрешает проблему с помощью специальных терминов или иностранных слов — они воспринимаются остраненно и не вызывают у читателя непосредственных чувственных ассоциаций. А как быть изящной словесности — ведь она без таких ассоциаций просто немыслима?

Не так давно мне довелось прочитать несколько «эротических» рассказов одного советского самодельного автора: он издает их за собственный счет и сам же продает по довольно высокой цене. Меня поразила его языковая глухота и бедность. Слово из трех букв, которое в просторечии обозначает мужской половой орган, кажется ему неприличным. Но у него есть для этого два обозначения: «мужской половой член» и «писька». Когда в качестве грозного орудия изнасилования фигурирует «писька» (ее автор за внушительные габариты почтительно именует в мужском роде «писом») — контраст между невинным «детским» словом и описываемыми с его помощью сугубо недетскими действиями становится гротескным и действительно непристойным.

В зависимости от эстетических вкусов и — немаловажный фактор! — личной сексуальной застенчивости читателя откровенные и детальные описания эротических переживаний и тем более самих сексуальных действий в романе Лоуренса (у Генри Миллера их еще больше и они гораздо грубее) могут нравиться или вызывать протест. Однако с точки зрения сексологии такая литература полезна, ибо помогает читателю преодолеть выработанную пуританским воспитанием немоту, увидеть как бы со стороны собственные сексуальные переживания и научиться их более адекватному выражению, что весьма важно для межличностной коммуникации, а еще больше для предотвращения и терапии возникающих на сексуальной почве многочисленных неврозов. Там, где нет эротической литературы, а народное эротическое искусство упрятано в спецхраны, люди вынуждены либо медикализировать свои сексуальные переживания, рассматривать их в контексте физиологии и охраны здоровья, либо воспринимать их в сниженном ключе. То и другое одинаково плохо и для здоровья, и для культуры, деформируя празднично-игровые аспекты сексуальной жизни.

Художественная литература не только описывает многообразные формы человеческой эротики, разбивая существующие на сей счет упрощенные стереотипы, но и создает, творит, формирует новые поведенческие образы, нормы, ценности и мифы. Что же предлагает нам Лоуренс, какова его положительная эротическая программа и насколько она обоснованна и универсальна?

В борьбе с викторианским ханжеством писатель апеллирует к принципу «естественности», он хочет быть и кажется себе

реалистом. Но если внимательно присмотреться к тому, что именно Лоуренс считает естественным, легко заметить «заданность» многих его конструкций. По справедливому замечанию Кейт Миллет, «Любовник леди Чаттерли» — это квазирелигиозный трактат, описывающий спасение одной современной женщины (остальные безнадежно потеряны) с помощью излюбленного автором «фаллического культа»¹.

«Естественная чувственность», которую Лоуренс полемически противопоставляет «механическому» миру разума, на самом деле столь же идеальна, как «счастливые дикари» и наивные дети философов XVIII века. Недаром воплощением и носителем истинно человеческой, свободной и раскованной чувственности выступает у него простой егерь, тогда как рафинированный интеллигент Клиффорд Чаттерли, у которого все расписано и разложено по полочкам, оказывается импотентом. Такая идеализация «простого человека», свойственная английской, да и не только английской, интеллигенции первой половины XX века, не случайна и распространяется не только на область сексуальных отношений.

Этот романтически-народнический культ на первый взгляд кажется убедительным. Кто не слышал, что в индустриальном и постиндустриальном обществе увеличивается число импотентов, чему способствуют и эмоциональные стрессы городской жизни, и интеллигентская тревожность, и рассудочно-функциональное отношение к сексуальности? Люди, живущие ближе к природе, и слыхом не слыхивали о тех сексуальных неврозах, с которыми сталкиваются современные сексологи. Об издержках цивилизации действительно можно говорить много. Однако, судя по историко-этнографическим данным, сексуальная жизнь «простых людей» далекого и близкого прошлого отличалась от жизни более образованных сословий главным образом большей грубостью и анималистичностью; особенно сильно это проявлялось в отношении к женщине. Никаких сведений о том, что мужчины были сексуально сильнее и счастливее, или что они давали большее удовлетворение своим женам, наука не имеет. Современная клиническая сексология и результаты массовых опросов также не позволяют утверждать, что рабочий человек или крестьянин сексуально — физиологически или психологически — превосходит интеллигента. Хотя интеллигент больше подвержен неврозам, менее образованные мужчины имеют свои проблемы: им труднее осознать и выразить в словах сложные психосексуальные переживания, они больше зависят от традиционных стереотипов маскулинности и феминности. Что же касается женщин, то, судя по данным двух независимых друг друга немецких исследований, более образованные, работающие и социально активные женщины не только не страдают сексуальной холодностью (классический стереотип «синего чулка»), но отличаются лучшей сексуальной реактивностью и получают большее удовлетворение от половой жизни, чем менее образованные.

¹ Kate Millet. *Sexual Politics*. N. Y., 1970, p. 238.

Поскольку сложная жизнедеятельность всегда способствует развитию рефлексии, более образованные люди чаще задают себе вопрос, нормальна ли их сексуальная жизнь, не обделены ли они природой или воспитанием. Они чаще обращаются к врачам и психоаналитикам и выглядят более сексуально озабоченными и ранимыми. Вместе с тем образование освобождает личность от многих табу, способствует эмоциональной раскованности, а от нее больше всего зависит сексуальное благополучие.

Интересно, что, идеализируя «естественный», «натуральный» секс, Лоуренс весьма консервативен в его трактовке, особенно когда речь заходит о половых различиях и свойствах маскулинности и фемининности. Соотношение мужского и женского начал представляется ему естественным и непреложным. Правда, в отличие от Генри Миллера, у которого мужская сексуальность всегда выступает как грубая, агрессивная сила, женщина, сознательно или нет, должна и бессознательно хочет ей подчиняться,— Лоуренс рисует сексуальные отношения скорее партнерскими. Мужская сила у него облагорожена любовью к женщине, которая и сама проявляет инициативу. Тем не менее активным, лидирующим началом является мужчина,— вместе со своей героиней писатель откровенно любит ее им. Подробно описывая и поэтизируя персонифицированный фаллос, который любовники ласково именуют «Джоном Томасом», Лоуренс не находит столь же ярких красок для описания женских гениталий, «леди Джейн».

В книге Лоуренса сексуальность описывается преимущественно и даже исключительно с женской, рецептивной точки зрения. Само по себе это вполне законно и плодотворно. Но модель взаимодействия активной мужчины и пассивной женщины вовсе не является столь универсальной, как кажется Лоуренсу. Реальное благополучие супружеской пары в постели и вне ее зависит не от того, следует ли она традиционным нормативам, а от того, насколько принятые сексуальные роли соответствуют индивидуальности каждого. Иными словами, надо равняться не на усредненный стереотипный образ мужчины или женщины, а на конкретные свойства реального сексуального партнера.

Вообще ориентироваться на художественные образы нужно с некоторой осторожностью. «Любовник леди Чаттерли» — классическое произведение гетеросексуальной литературы. Однако исследователи творчества Лоуренса убедительно доказывают, что в этом романе отчетливо проявляется не вполне сублимированное гомоэротическое воображение автора.

Биография Лоуренса может быть хрестоматийной иллюстрацией психоаналитической теории латентной гомосексуальности. Выросший в суровой шахтерской среде нежный и застенчивый мальчик с детства ненавидел своего отца и был чрезвычайно привязан к матери, которая жертвовала всем, чтобы дать сыну хорошее образование. В школе одноклассники издевались над ним, считая неженкой и маменькиным сыночком. Его первая юношеская гетеросексуальная любовь закончилась ничем, по-видимому, из-за вмешательства матери Лоуренса, рев-

новавшей сына к возлюбленной и боявшейся, что брак помешает его карьере. Энергичная и властная Фрида фон Рихтхофен, на которой Лоуренс женился по страстной любви, сделала его мужчиной. Однако отношения супругов были напряженными и не вполне удовлетворяли мужа.

Хотя Лоуренс много писал о любви к женщинам и о женской любви, его воображение было преимущественно гомоэротическим,— и это проявляется во всех его романах. Страстный поклонник Уолта Уитмена, он сочинил, но затем уничтожил специальный трактат об однополой любви. В письме Лоуренса Генри Сэвиджу (1913) читаем: «Я хотел бы знать, почему каждый мужчина, который приближается к величю, тяготеет к гомосексуальности, все равно — признает он это или нет, так что он любит мужское тело больше женского, как это делали греки — скульпторы и все прочие... Он всегда может получить удовлетворение от мужчины, но самая трудная вещь на свете — получить телесное и душевное удовлетворение от женщины, так, чтобы освободиться от собственного Я. И в то же время вся традиция и инстинкт мешают ему любить мужчин или мужчину»¹.

Собственная бисексуальность была для Лоуренса трагическим внутренним противоречием, которое он не мог разрешить ни в личной жизни, ни в творчестве. Он был не в силах ни принять свои гомоэротические влечения, ни подавить их. Всю жизнь Лоуренс страстно мечтал об интимной мужской дружбе, считая полное психологическое слияние с женщиной невозможным. Лоуренс писал об Уитмене: «Он нашел, как это находят все мужчины, что вы не можете действительно слиться с женщиной, хотя можете далеко продвинуться в этом. Вы не можете одолеть последний рубеж. Поэтому вы должны отказаться от этого и попробовать что-то другое, если вы непременно настаиваете на слиянии... Для тех, у кого эта потребность особенно сильна, кто любит беспредельно, женщина в конце концов становится недостаточной. Женщина неадекватна для последнего слияния. Поэтому следующий шаг — слияние в любви мужчины к мужчине. И это уже грань смерти. Это соскальзывание в смерть. Давид и Ионафан. И смерть Ионафана»².

В то же время открытые, явные гомосексуальные отношения, существовавшие, например, в кружке так называемых «Кембриджских апостолов», куда входили в начале века такие выдающиеся писатели и интеллектуалы, как Литтон Стрэчи, Джордж Мур, Джон Мейнард Кейнс и другие, смущали и отталкивали Лоуренса. В этом смысле он оставался человеком викторианской эпохи.

Отсюда — и характерное для него, хотя отнюдь не уникальное (достаточно вспомнить Марселя Пруста), «переодевание» однополой любви в гетеросексуальную и изображение гетеросексуальных отношений преимущественно с «женской» точки зрения. Между прочим, не только лоуренсовская идеализация «простого человека» имеет оп-

¹ D. H. Lawrence. Collected Letters. London, 1962, p. 251.

² D. H. Lawrence. Studies in Classic American Literature. London, 1924, p. 167—168.

ределенную гомоэротическую подоплеку. Увлекаясь молодыми рабочими парнями или матросами, рафинированные интеллигенты начала XX века наделяли их не только телесной, но и особой духовной красотой, усматривая в сексуальной близости с ними преодоление социальных границ и своего рода искупление социального неравенства. Это хорошо показано в романе Э. Т. Форстера «Морис». Все это, конечно, чистейшая иллюзия.

НИКОЛАЙ ПАЛЬЦЕВ: ПО ТУ СТОРОНУ СЕКСОЛОГИИ

В столь горькое время выпало нам жить, что мы тщимся горечь эту не замечать. Приходит беда, рушит нашу жизнь, а мы сразу же прямо на руинах наново торим тропки к надежде. Тяжкий это труд. Впереди — рывки да преграды. Мы их либо обходим, либо, с грехом пополам, берем приступом. Но какие бы невзгоды ни обрушивались, жизнь идет своим чередом.

Д. Г. Лоуренс. *Любовник леди Чаттерли*

Э тот короткий и поразительно емкий пассаж открывает недавно прочитанную книгу. Остановимся и зададимся вопросом: а не о нас ли это? Дотошные специалисты-лоуренсоведы, расходясь во многом, почти единодушно сходились в признании «пророческой мощи» дарования автора «Любовника леди Чаттерли». В любом итоговом произведении большого писателя (а применительно к последнему роману Дэвида Герберта Лоуренса это обстоятельство неоспоримо) всегда налицо элемент общечеловеческий. Элемент откровения, оплаченного собственной, непросто складывающейся судьбой и потому никогда не устаревающего.

Есть у такого рода произведений примечательное свойство: волею судеб — иначе не назовешь — они «приходят» к нам именно тогда, когда мы особенно в них нуждаемся. Последнее, думается, в полной мере справедливо и по отношению к лоуренсовскому роману, с которым мы знакомимся, по существу, впервые. Стоит, однако, сказать, что новое для сегодняшнего поколения отечественных любителей зарубежной литературы имя этого автора фигурировало в «обоймах» читательского интереса любознательной нашей аудитории еще при его жизни — в 20-е годы. Тогда-то у нас были изданы и четыре из десяти его романов¹. Подчас далеко не бесспорные по качеству, эти переводы все же доносили до читателей тех лет страстную непримиренность английского прозаика, преданного остракизму в собственной стране. А немногим из них —

¹ Д. Г. Лоуренс. Джек в джунглях Австралии. Перев. Н. Мартыновой. Л., б. г. Д. Г. Лоуренс. Семья Брэнгуэнов. (Радуга). Перев. Н. Мининой. М., 1925. Д. Г. Лоуренс. Урсула Брэнгуэн. (Радуга). Перев. Н. Мининой. М., 1925. Д. Г. Лоуренс. Сыновья и любовники. Перев. Н. Чуковского. Л., 1927.

Серьезная эротическая литература, к которой относится «Любовник леди Чаттерли», — не сумма пикантных сцен. Она рассчитана на внимательное, вдумчивое чтение. Чтобы понять ее текст и подтекст, нужно знать особенности эпохи, когда было создано произведение, и биографию автора. Мой краткий комментарий не ставит такой задачи. Но если наш читатель осилил «Улисса», с Лоуренсом он давно справится.

буквально единицам — мог попасть в руки и выпущенный издательством русских эмигрантов в Берлине перевод (к сожалению, в еще большей мере уступавший оригиналу) «Любовника леди Чаттерли».

Позднее, однако, наступила затянувшаяся почти на столетия — и прерывавшаяся эпизодическими публикациями переводов стихов Лоуренса в различных антологиях европейской поэзии XX века — пауза. И лишь в год, когда в Англии и во всем зарубежном мире как событие общекультурного значения отмечалось столетие со дня его рождения, в СССР вышла небольшая книжечка его рассказов². У нас же необходимость открытия лоуренсовского творчества все более воспринималась как одна из насущных культурных задач. В решении ее значимую роль сыграла «Иностранная литература», на протяжении последних лет не раз обращавшаяся к наследию писателя. На страницах журнала впервые увидели свет перевод поздней повести Д. Г. Лоуренса «Дева и цыган»³, две подборки стихотворений⁴, отмеченное полемической резкостью эссе «Порнография и непристойности»⁵. Наконец, читателю довелось познакомиться с самым сложным и, быть может, самым вдохновенным из творений писателя в «большом» жанре — романом «Любовник леди Чаттерли», на протяжении десятилетий навлекавшим на автора нападки британских радетелей «общественной благопристойности».

Итак, я совершенно категорически отрицаю, что я — это душа, или ум, или интеллект, или мозг, или нервная система, или связка желез, или любая другая из частей моего существа. Целое больше, чем часть. И потому мое живое «я» необъятнее, нежели моя душа, мой дух, мое тело, мой ум, мое сознание или что бы то ни было, что составляет всего лишь одну из частей моей личности. Я — человек, и я — жив. Я — живой человек и намерен оставаться живым человеком, пока смогу.

По этой причине я — романист. И, будучи романистом, я чувствую свое превосходство над святым, ученым, философом и поэтом, каждый из которых в совершенстве изучил одну из сторон живого человека, но не способен объять его целиком.

Д. Г. Лоуренс. *Почему важен роман*

Прозаик и поэт, эссеист и драматург, исследователь культуры и создатель оригинального мироучения, получившего широкую известность в кругах неконформист-

² Д. Г. Лоуренс. Дочь лошади. Рассказы. М., 1985 (Библиотека журнала «Иностранная литература»).

³ «ИЛ». 1986. № 3. Перев. И. Багрова.

⁴ Там же, 1986, № 3. Перев. С. Сухарева; 1990. № 1. Перев. А. Грибанова.

⁵ Там же, 1989, № 5. Перев. Ю. Комова.